

УДК 130.31+316.642.3+[31:1](045)

Поспелова О.В.

Что может дать философия сознания политической философии?

Поспелова Ольга В'ячеславовна

Що може дати філософія свідомості політичній філософії?

Кожна теорія суспільства опирається на ту чи іншу концепцію свідомості. Для політичної філософії це є винятково актуальним, бо вона завжди дещо говорить про суб'єкти, що можуть приймати рішення та здійснювати вчинки. З філософської точки зору наші дії завжди зв'язані з певними ментальними актами. Класична філософія свідомості, що допускає жорстке розділення інтелекту і емоцій, розуму і тіла більш не може задовольняти потребам сучасної політичної філософії. Багато ілюзій та стереотипів є результатом невірного, занадто спрощеного, трактування свідомості.

Ключеві слова: філософія свідомості, політична філософія, стереотипи, дискримінація, об'єктивізм, експерієнціалізм.

Проблема, вынесенная в название этой статьи, может многих смутить и вызвать ощущение надуманности и спекулятивности. Тем не менее, я возьму на себя смелость утверждать, что каждая политическая теория (и шире – каждая теория общества) базируется на определенной философии сознания, которая формирует своего рода метатеоретическую платформу и влияет на трактовку базовых понятий, включая, конечно же, понимание субъекта. Политическая теория всегда говорит нам что-то об акторах и действиях. С философской точки зрения для нашего представления о человеческих действиях наиболее существенно то, что любое действие человека берет начало в сознании, точнее, в ментальных актах и состояниях – в намерениях, желаниях, полаганиях и т.д. Таким образом, касаясь вопросов философии действия, частью которой будет и политическая философия, мы, так или иначе, поднимаем проблемы философии сознания.

Несмотря на то, что связь политических теорий с общефилософскими идеями существовала всегда, вопросы мышления и языка открыто вошли в

проблемное поле политической науки лишь недавно. Безусловно, это связано с так называемым «лингвистическим поворотом» в самой философии и разложением классических метафизических конструкций. Как замечает один из ведущих специалистов в области современной когнитивистики Джордж Лакофф, в XXI веке больше нельзя заниматься политикой с представлениями о мышлении, оставшимися неизменными с XVII века¹. Современные политические проблемы слишком сложны, чтобы мы могли надеяться найти их решение, или хотя бы адекватную формулировку в терминах традиции, давно обнаружившей свою проблематичность.

Если обратиться к тем политическим онтологиям, что оформились в Новое время и задали рамки классической политической мысли, то мы обнаружим там две отчасти разнящихся, отчасти пересекающихся трактовки субъекта политической жизни². В классической либеральной традиции мы рассматриваем трансцендентального сингулярного автономного субъекта как первичный элемент всякого общественного бытия. Такой субъект, безусловно, отсылает нас к картезианской традиции, которая была настолько сильна, что ее базовые принципы не только повлияли на развитие европейской континентальной философии, но и были усвоены британской островной традицией, даже несмотря на то, что она предлагала эмпирическую альтернативу декартовскому рационализму. Та политическая онтология, которую можно условно назвать гегельяно-марксистской, предлагала рассматривать в качестве субъекта политического бытия некую общность, целостность и тотальность, в рамках которой отдельные индивиды обретают свою значимость и определенность. Такая тотальность мыслилась как (квази)сознание, как мыслящий и волящий субъект. Данная традиция оформилась в рамках немецкого классического идеализма, чья задача состояла в том, чтобы избавить философию от тупиков, в которую ее завело

¹ Лакофф Дж. Когда когнитивная наука приходит в политику // Логос, № 5, 2006. С. 50

² См.: Pulkkinen, T. The postmodern moment in political thought. Finnish Yearbook of *Political Thought*. Volume 1, 1997, pp. 87-94.

противостояние континентального рационализма и островного эмпиризма. Принимая это во внимание, нам легче понять, почему в такие общности, мыслившиеся как исторические субъекты, было привнесено кантовское разделение на «субъект трансцендентальный» и «субъект эмпирический», откуда возникает идея подчиненности истории некоему трансцендентальному плану, своего рода «философский провиденциализм».

Несмотря на все отличие этих двух онтологических схем классических политической мысли, которые по-разному конструировали политическое пространство и использовали различные логики со-расположения элементов, мы можем обнаружить важное сходство между ними. И там, и там субъект (понимаемый либо как индивид, либо как общество) является рациональным, автономным и определяет себя изнутри. Внешнее воздействие допускается, но только как причина несущественных, окказиональных черт. Такая трактовка субъекта, результатом которой становилось эссенциалистское понимание политики, опиралась на вполне определенную философию сознания, основы которой были заложены еще в античности. Однако своим классическим оформлением эта философия обязана именно Декарту, и она исходит из следующих постулатов. Во-первых, ментальное отделено от физического и противостоит ему в рамках оппозиции разум/тело. Во-вторых, разум универсален, его законы предзаданы и не зависят ни от конкретного культурно-исторического окружения, ни от аранжировки иных психических и психофизических способностей – эмоций, перцептивной системы и пр. В-третьих, мышление есть ни что иное как оперирование понятиями согласно законам формальной логики. Таким образом, мышление – это чисто логическая способность, подчиняющаяся внутренним универсальным законам разума, поэтому для изучения механизмов мышления вполне достаточно логики, позволяющей нам сортировать суждения как истинные или ложные. Джордж

Лакофф выделяет следующие наиболее специфические объективистские положения³:

1) Мышление абстрактно и нематериально, поскольку не имеет ограничений, проистекающих из перцептуальной и нервной системы нашего тела.

2) Мышление есть механическое оперирование абстрактными символами посредством алгоритмического исчисления (то есть человеческий интеллект работает по принципам машинного интеллекта).

3) Символы (слова, ментальные представления) получают свои значения через соотношение с вещами внешнего мира. Символы суть внутренние репрезентации внешней реальности. Следовательно, наш разум – это «зеркало природы» и правильное мышление отражает логику мира.

4) Телесная организация людей может играть роль в выборе нами тех или иных понятий и способов рассуждения для практического пользования, но не играет существенной роли в определении конституирующих свойств понятий и мышления.

5) Мысль атомистична, поскольку она может быть полностью разделена на простые «строительные блоки» - символы, которые объединяются в комплексы по определенным правилам.

6) Мышление логично в узкоспециальном смысле этого слова, используемом в философской логике, а именно: оно может быть точно смоделировано посредством систем, наподобие тех, что используются в математической логике.

Многие политические и экономические теории, основанные на идее рационального актора, предполагают именно такую трактовку сознания. Однако современные исследования когнитивных процессов показывают, что

³ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М. Языки славянской культуры. 2004. С. 11

реальные люди в своих экономических и политических суждениях пользуются отнюдь не классической логикой, а фреймами, прототипами и метафорами. Идея рационального актора опиралась на такую трактовку сознания, в рамках которой интеллект и эмоции мыслились как взаимоисключающие. Результатом стало убеждение, что достижима некоторая «объективная позиция», только находясь в которой и возможно продуцировать универсальные, общезначимые суждения о реальности, давать объективную и непредвзятую оценку ситуациям, и, следовательно, предлагать единственно верные решения. Со времен Платона и Аристотеля способность принимать политически значимые решения, согласующиеся с идеей всеобщего блага, ассоциировалась исключительно с разумом, очистившим себя от эмоций. И, напротив, обвинение в эмоциональной вовлеченности могли повлечь за собой признание недееспособности в качестве субъекта политической жизни. В Новое время утвердилась идея, что разум и эмоции подлежат смешиванию не более чем вода и масло. Таким образом, там, где присутствуют эмоции, отсутствует разум, а там, где должен быть разум, не должно быть равным счетом никаких эмоций. Сегодня такой установке наконец-то брошен серьезный вызов. Исследования в области когнитивистики и нейрофизиологии показывают, что эмоции являются неотъемлемой частью человеческого разума, и само наше функционирование в качестве рациональных существ невозможно без участия чувств и эмоций. Антонио Дамасио в своей блестящей и провокативной книге «Ошибка Декарта» приводит убедительные доказательства в пользу того, что эмоции оказываются не только важнейшей составляющей нашей персональности, но и являются одним из решающих факторов нашей способности принимать рациональные решения ⁴. Понимание того, что функционирование практического разума невозможно объяснить исключительно интеллектуальными способностями, заставляет нас поставить под вопрос привычные метафизические спекуляции относительно связи между разумом, эмоциями и телом.

⁴ См.: Damasio A.R. Descartes' Error: Emotions, Reason, and the Human Brain. New York, Avon Books. 1995. 312 p.

Адекватное представление о принципах нашего мышления тем более необходимо, если мы вступаем в область практической философии, соединяющей рациональное постижение социально-политической реальности с созданием нормативных концепций лучшего будущего. Классическая философия сознания, подпитывавшая идеи европейского Просвещения, является причиной одной из наиболее стойких иллюзий: нам кажется, что если мы сообщим людям факты, то они обязательно вскоре придут к верным выводам, потому что механизмы мышления универсальны. Несмотря на то, что наш жизненный опыт постоянно показывает ограниченность такой позиции, мы все же склонны верить, что, например, проблема предубеждений – это исключительно проблема невежества. Если это действительно так, то как же объяснить, что расовые, гендерные, классовые и другие предубеждения могут быть распространены среди любых социальных групп вне зависимости от их образовательного статуса. Зачастую интеллектуалы становятся не просто носителями предубеждений, но их активными производителями и трансляторами.

Понимание того, как работает наше мышление, является актуальными и тогда, когда мы обращаемся к проблемам морали и этики – а нам так или иначе приходится делать это всякий раз, когда на повестку дня встают вопросы, связанные с политическими идеологиями. Можно взять любое понятие, имеющее значение для политического дискурса, например, власть, справедливость или свобода, и рассмотреть, как они трактуются разными политическими группами, стоящими на различных идеологических платформах. Мы увидим, что каждое из этих понятий окажется спорным и по поводу его трактовки у различных людей будут различные мнения, в зависимости от того, каких систем ценностей они придерживаются. Дж. Лакофф в работе «Чья свобода?» показывает, как различные идеологии растягивают общее представление о свободе в противоположных направлениях,

в результате чего мы получаем две противоположные версии вроде бы «одного и того же» понятия⁵.

Классический подход к мышлению опирается на метафизический реализм, которые иногда называют «объективизмом». Объективистская метафизика гласит: реальность состоит из сущностей, которые имеют фиксированные признаки и находятся между собой в определенных отношениях в любой момент времени (вещь – свойство - отношение). Некоторые признаки вещей являются существенными (эссенциальными, атрибутивными), а другие несущественными (акцидентальными). Существенные признаки служат основой для категоризации: сущности в мире образуют объективно существующие категории, которые суть естественные роды сущностей. Логические отношения между категориями в мире существуют объективно. Вопрос о том, что есть «сущностная природа» вещи, находится вне рамок компетенции лингвистического анализа. Американский философ Хилари Патнэм показал, что эта позиция является внутренне несогласованной. Источником несогласованности выступает предположение, что можно находиться вне реальности и найти единственно правильный способ ее понимания.

Хорошо это, или плохо, но трансцендентная позиция «божественного всеведения» для нас недоступна. Претензии на «трансцендентную позицию» называют еще экстерналистской перспективой. Соответственно, признание того, что мы всегда включены в реальность как ее часть, можно назвать тогда интерналистской перспективой. Эти две перспективы предполагают различное понимание истины. Если в первом случае (экстернализм) под истиной понимается соответствие нашего знания независимому от ума положению вещей (корреспондентный подход), то во втором случае под истиной понимают рациональную приемлемость как некий вид согласованности наших мнений друг с другом и с нашим опытом (когерентистский подход). Это совсем не

⁵ См.: Lakoff G. Whose Freedom? The Battle Over America's Most Important Idea. New York: Farrar Strauss Giroux, 2006.

значит, что интерналистский подход отрицает реальное существование объектов. Существование внешнего по отношению ко мне мира не подлежит сомнению хотя бы потому, что я есть часть этого мира, взаимодействующая с другими частями.

Патнэм утверждает, что «объекты» не существуют вне концептуальных схем. Как это понимать? Возьмет простой пример. Что такое «стул»? С молекулярной точки зрения, это гигантское скопление молекул. С точки зрения волнового подхода, мы имеем дело не со стулом как единичной сущностью, а с волновыми формами материи. И только для человеческого взгляда стул есть единичный объект, выделенный из всех остальных объектов. Итак, в разных схемах стул имеет разный статус. Эти схемы равноправны, хотя и несоизмеримы. Признание того, что наше понимание объекта детерминировано той или иной схемой, вовсе не означает тотального релятивизма, поскольку наше знание о мире не может быть абсолютно произвольным. Мир накладывает определенные ограничения на наш опыт, да и сам опыт ограничен специфическим устройством нашего тела.

Все это подталкивает нас к альтернативным, «необъективистским», трактовкам сознания. Одной из таких альтернатив, учитывающей метафоричность и воплощенность нашего мышления, является подход Джорджа Лакоффа и его коллег, который базируется на следующих принципах⁶:

- 1) Мышление воплощено, то есть наша концептуальная система имеет своим источником чувственный опыт, который детерминирован особенностями нашей перцептуальной организации. Ядро нашей перцептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движении тела и опыте социального и физического характера.

⁶ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М. Языки славянской культуры. 2004. С. 13-14

2) Человеческое мышление является образным в том смысле, что те понятия, которые не основаны на непосредственном опыте, используют метафоры, метонимии и ментальные образы. И эти процессы являются центральными, а не периферийными для мышления. Именно способность воображения позволяет нам мыслить абстрактно и выводит разум за пределы того, что мы можем увидеть и почувствовать. Эта способность воображения также является воплощенной, поскольку многие метафоры и метонимии базируются на чувственном опыте.

3) Мысль имеет свойства гештальта и поэтому не атомистична. Понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных строительных блоков посредством общих правил.

4) Мысль имеет экологическую структуру. Эффективность когнитивных процессов зависит от общей структуры концептуальной системы и от того, что концепты значат. Поэтому мышление есть нечто большее, чем просто оперирование абстрактными символами.

5) Концептуальные структуры могут быть описаны при помощи когнитивных моделей.

Подход, предложенный Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном, можно считать расширенной версией внутреннего реализма (интернализма) Хилари Патнема. Свою позицию они определили как «экспериенциализм»⁷, поскольку значения понятий рассматриваются ими в терминах опыта мыслящих организмов. Все наши концепты структурированы, как внутренне, так и по отношению друг к другу. Но чем обусловлена эта структура? Объективисты сказали бы – «структурой реальности». Экспериенциалисты утверждают: истоки структурированности концептов – в доконцептуальном телесном опыте. Это значит, что наш телесный опыт не является

⁷ От англ. experience – опыт.

«бесформенной кашей», а тоже структурирован, ибо структура не может возникнуть из ничего. Отсюда вопрос, который стоит в центре внимания Лакоффа: Какие виды доконцептуальных структур существуют в нашем опыте? Второй вопрос, не менее важный, заключается в том, как абстрактные понятия могут базироваться на телесном опыте?

Ответы, которые предлагают Дж. Лакофф и М. Джонсон, следующие:

Существует два вида структур в нашем доконцептуальном опыте:

1) Структуры базового уровня, определяемые совместно нашим гештальтным восприятием, нашей способностью телесного движения и способностью формировать богатые ментальные образы.

2) Кинестетические образно-схематические структуры. Сюда входят такие образные схемы, как «вместилище», «путь», «связь», «сила», «равновесие», а также ориентационные схемы «верх - низ», «впереди - сзади», «часть - целое», «центр - периферия». Все они постоянно повторяются в нашем повседневном опыте и задают основу для базовых метафор, организующих наш опыт.

Афоризмы и метафоры, таким образом, в гораздо большей степени определяют мышление, чем это может показаться на первый взгляд. Для большинства людей метафора — это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к литературному, поэтическому языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафоры, как правило, не связывают со сферой мышления или действия. В противоположность этой расхожей точке зрения, Дж. Лакофф утверждает, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии⁸. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути.

⁸ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004, с. 25

Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Мы живем «понятиями» и неизбежными законами человеческого сообщества не столько сознательно, сколько бессознательно. Поэтому необходима расшифровка того, как мы наследуем эти понятия и законы.

Наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры. Возьмем для примера ориентационную метафору «верх - низ», которая обладает чрезвычайно развитой сетью ассоциаций и охватывает различные аспекты нашего опыта, в том числе социального и политического.

Верх	Низ
<i>Здоровье</i>	<i>Болезнь</i>
<i>Жизнь</i>	<i>Смерть</i>
<i>Власть</i>	<i>Подчинение</i>
<i>Сила</i>	<i>Слабость</i>
<i>Слава</i>	<i>Бесславиe</i>
<i>Удача</i>	<i>Неудача</i>
<i>Богатство</i>	<i>Бедность</i>
<i>Увеличение по количеству</i>	<i>Уменьшение по количеству</i>
<i>Хорошее</i>	<i>Плохое</i>
<i>Добродетель</i>	<i>Порок</i>
<i>Рациональное</i>	<i>Эмоциональное</i>
<i>Активное</i>	<i>Пассивное</i>

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что наши культурные ценности существуют не изолировано друг от друга, а образуют согласованную систему вместе с метафорическими понятиями, в мире которых протекает наша жизнь. Разнообразные метафоры объемлет общая система, согласующая их между собой, в результате чего между различными концептами начинает устанавливаться ассоциативная связь. Так, метафора *хорошее - верх* задает ориентацию *верх* для общего состояния благополучия, и эта ориентация согласована с частными случаями типа *счастье - верх, здоровье - верх, живое - верх, контроль - верх*. Метафора *статус - верх* согласована с метафорой *контроль - верх*.

Данный пример вскрывает одну примечательную особенность европейской культуры: бинарные оппозиции накладываются на иерархическую матрицу, в результате чего один полюс получает позитивную, а другой – негативную трактовку. Как заметила Джейн Флекс, «быть другим» в такой культуре неизменно подразумевает «быть меньше, чем», «быть менее ценным», и означает позицию фундаментального необладания или же отсутствие собственного, независимого, значения. Например, «женщина» определяется как ущербный мужчина в рамках дискурсов от Платона до Фрейда. Отношения внутри такой терминологической пары – это отношения власти. При этом те, кто могут применить к себе доминирующий термин, оказываются под защитой своеобразной логики, снимающей с них моральную ответственность за неравенство и дискриминацию. Доминирующий член оппозиции «находится в безопасности благодаря своей независимости и естественному превосходству; он внутри диады, но изолирован от нее. Как аристотелевский господин или муж, он активен, он исполняет детерминирующую и генеративную функцию, никогда не согласуясь с фактом своего нахождения в паре»⁹.

Это во многом объясняет особенности воспроизводства неравенства и маргинализации в демократических обществах, подмеченные американским

⁹ Флекс Дж. Конец невинности // Гендерные исследования. 1999, № 2. С. 97

социологом Майклом Киммелем. «Сами процессы «раздачи» привилегий определенным группам людей чаще всего остаются невидимыми именно для тех, кому эти привилегии пожалованы»¹⁰. Мы замечаем нечто, когда оно делает нас безвластным и маргинальным. Бытие же во власти претендует на то, чтобы считаться универсальным. Только белым людям в нашем обществе, пишет Киммел, дана роскошь не думать о расе каждую минуту своей жизни. И только у мужчин есть роскошь думать, что гендер не имеет значения¹¹.

Когнитивная теория Лакоффа помогает нам понять, как символические системы и дискурсивные практики легитимируют определенные властные отношения и примиряют нас с ними, заставляя воспринимать реальность под определенным углом. Если вернуться к приведенной выше когнитивной схеме, построенной вокруг ориентационных метафор верха и низа, то можем поместить в эти ряды любые категории, имеющие значение для социальной стратификации и делящие людей на группы с неодинаковым доступом к материальным и символическим ресурсам, будь то класс, пол или раса (этническая принадлежность). При этом «белые», «мужчины» и «средний класс» попадут в категорию «верха», в то время как «небелые», «женщины» и «бедные» окажутся проассоциированными с категорией «низа».

Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода. Наиболее важный вывод, сделанный Дж. Лакоффом, состоит в том, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что метафоричность присуща самому мышлению человека. Это касается не только обыденного мышления; метафора является, кроме всего прочего, еще и инструментом научного поиска, поиска и осмысления нового знания.

¹⁰ Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. С. 20

¹¹ Там же. С. 20

Системность, благодаря которой мы можем осмысливать некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия (например, спора в терминах сражения, войны, битвы), по необходимости затемняет другие аспекты данного понятия. Позволяя нам сосредоточиться на одном аспекте понятия (например, на «военном» аспекте спора), метафорическое понятие может мешать сосредоточиться на других аспектах, несовместимых с соответствующей метафорой (например, дискуссия может быть понята не только как «борьба при помощи аргументов», но и как диалогическое взаимодействие, которое могло бы быть более удачно описано через метафору, например, танца). В результате мы получаем лишь частичное осмысление того, какова суть предмета. Важно учитывать, что метафоры не только определенным образом оформляют наше знание о предмете, но и провоцируют те или иные эмоциональные реакции, что, в свою очередь, находит выражение в предпринимаемых нами действиях.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что адекватная политическая теория, обладающая достаточным эвристическим потенциалом, чтобы внести хоть какую-то ясность в происходящие в современном обществе процессы, должна вырваться из тисков устаревших онтологических схем. Иначе мы обречены раз за разом повторять одни и те же клише и воспроизводить стереотипы, вместо того, чтобы сделать их предметом анализа. Современная политическая теория, вновь проявляющая интерес не только к эмпирике, но и к вопросам нормативного уровня, нуждается в современной философии сознания как своем метатеоретическом основании.

Список использованных источников:

1. Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М. Языки славянской культуры. 2004. 792 с.
3. Лакофф Дж. Когда когнитивная наука приходит в политику. Ответ на рецензию Стивена Пинкера // Логос, № 5, 2006. С. 50 - 57
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004. 256 с.

5. Флекс Дж. Конец невинности // Гендерные исследования. 1999, № 2. С. 88 - 107
6. Damasio A.R. *Descartes' Error: Emotions, Reason, and the Human Brain*. New York, Avon Books. 1995. 312 p.
7. Lakoff G. *Whose Freedom? The Battle Over America's Most Important Idea*. New York: Farrar Strauss Giroux, 2006.
8. Pulkkinen, T. The postmodern moment in political thought. *Finnish Yearbook of Political Thought*. Volume 1, 1997, pp. 87-94.

Поспелова Ольга Вячеславовна

Что может дать философия сознания политической философии?

Каждая теория общества опирается на ту или иную концепцию сознания. Для политической философии этот особенно актуально, ведь она всегда что-то говорит о субъектах, способных к принятию решений и совершению поступков. С философской точки зрения наши действия всегда связаны с определенными ментальными актами. Классическая философия сознания, предполагавшая жесткое разделение интеллекта и эмоций, разума и тела больше не может удовлетворять потребностям современной политической философии. Многие иллюзии и стереотипы оказываются результатом неверной, слишком упрощенной, трактовки сознания.

Ключевые слова: философия сознания, политическая философия, стереотипы, дискриминация, объективизм, экспериенциализм.

Pospelova O.V.

“What can philosophy of mind give to political philosophy?”

Each theory of society has one or another conception of mind as its ground. This is especially crucial for political theory because such theory always tells us something about subject who is able to act and make decisions. From the philosophical point of view our actions are always connected with certain mental acts. The classical philosophy of mind which presupposed rigid separation of intellect and emotions, mind and body, can no longer meet the needs of contemporary political philosophy. Many illusions and stereotypes are the result of incorrect, the very simplified, interpretations of consciousness.

Авторская справка

Поспелова Ольга Вячеславовна, к.филос.н., доцент, доцент кафедры философии Института Социально-гуманитарных и политических наук (ИСГиПН), Северного (Арктического) Федерального Университета имени М. В. Ломоносова.

Россия, 163060 г. Архангельск, ул. Тиме 9-1-30; мобильный телефон: +7 921 600 55

e-mail: polga74@gmail.com

Рабочий адрес:

С(А)ФУ имени М.В. Ломоносова,
Институт Социально-гуманитарных и Политических наук, кафедра философии
г. Архангельск, пр. Ломоносова 2., ауд. 210